

Из рукописей Мичуринского краеведческого музея

В Мичуринском краеведческом музее имеются рукописи XVIII—XIX вв., представляющие научный интерес для филологов. Образовался этот рукописный фонд из разных источников, преимущественно же из собрания Троицкого Козловского монастыря, имевшего в XVIII в. богатую библиотеку старопечатных книг и рукописей XVIII в. По содержанию рукописи музея разнообразны. Это и бого-служебные книги, и тексты делового содержания. Материалы деловой письменности — документы по продаже крепостных крестьян, а также подорожные, документы о межевании (сохранились в копиях), копии крестьянских жалоб, опись монастырского имущества.

С точки зрения взаимодействия церковно-книжной стихии и народно-разговорной речи не лишена интереса «летопись» настоятелей Козловского монастыря, написанная в конце XVIII в. Наибольший же интерес для истории языка представляет «Опись Козловскаго Троицкаго монастыря церковному и ризничномꙋ имꙋществꙋ». Лексика «Описи» разнообразна (встречаются слова, не отмеченные ни в одном из известных словарей).

«Опись» написана тремя почерками: 12 февраля 1789 г., 18 декабря 1793 г. и в октябре 1795 г. Судя по лингвистическим данным, составители «Описи» были местными. Писана она скорописью, без знаков препинания. Рукопись хорошей сохранности, бумага плотная, голубоватая, переплет картонный. Шифр «Описи» — МКМ № 550.

Словарный состав «Описи» образуют такие лексические группы:

названия хозяйственных построек: поварня, погребь, конюшня, квасоварня (л. 1);

названия сосудов, предметов церковно-монастырского обихода и многочисленной посуды: «два ковша медныхъ для подаенія теплоты» (л. 31), «укропникъ» (13 об.); упоминаются полумиски, тарелки разные, солонка, подносы медные, кастрюли, чайник, ендова (широкий сосуд), противень и т. д.; «в погребѣ перестѣковъ два», «тасъ желтой меди» (л. 10), «курганъ» (л. 1), «кубанъ» (л. 6 об.), «доска подносная» (л. 10), «фаянцовые тарелки» (л. 10) и т. д.;

названия экипажей и упряжи: «коляска ветхоя» (л. 1), «сани городовые» (л. 10), «дрожки и обиты кожей» (л. 10), «хомуты ременные», «узды», «вожи ременные» (л. 1) и т. д.;

названия церковных облачений и их составных частей: «епатрахиль красная белокосовая с цвѣтами подложено набойкою белою» (л. 21), «стихарь штофной по белой земле вкругъ обложенъ сеткою золотою и кругъ оплечья позументомъ золотымъ на одну сторону с городками кругъ подолу отличено плетешкомъ золотымъ крестъ голуну золотого подложенъ лощенкою бѣлою» (л. 23 об.), «арарь белокоосу красного пять крестов и кругомъ обложенъ гасикомъ петельчитымъ подкладка набойки белой» (л. 46), «оплечья шиты золотомъ кругомъ обложены в два ряда позументомъ», «наподолникъ обложенъ сеткою золотою» (л. 19), «ризы белыя мишурной насыпи» (л. 19), «шиты фолгою» (л. 19), «обложены мишурнымъ гасикомъ» (л. 19 об.), «опушены бахромою алою» (л. 29), «подложены горосчитою (по цвету похожей на горох. — А. С.) выбойкою» (л. 29), «обложена цветнымъ перюнемъ» (л. 30), «обложены пукетцами» (л. 18 об.), «подложены лощенкою белою» (л. 18 об.); в качестве украшений использовались «репейки» (л. 12 об.), «травы» (л. 55), «звезды» (л. 23), «городы» и «городки» (л. 21);

из названий тканей отметим следующие: кутня (л. 14, 20), крашенина (л. 21), белокоос (л. 46), выбойка (л. 19 об.), набойка (л. 24), камка (л. 19 об.), тафта (л. 42), коноват (л. 20), объяръ (л. 61), китайка (л. 55); в ходу была «капитальная материя» (л. 22 об., 57 и др.);

цветовые обозначения: «паливую тафтою» (л. 42), «вышневоу камки» (л. 44), «объери розовой» (л. 61), «литоу полосатой голубой» (л. 25), «тафты пунцовой алой» (л. 19), «бархату малинового» (л. 14 об.) и т. п.

Составители «Описи» были грамотными, поэтому местная речевая стихия (южновеликорусская) получила в ней слабое отражение. Укажем на проявления аканья: каришневой (л. 44 об., 59 об.), феалетоваго (л. 43), самарварь (л. 53), поласатая (л. 56), лащенкою (л. 43), кровать (л. 1), кантору (л. 5) и т. д.; ср.: колитка (л. 38), молиновыи (л. 47), кострюль (л. 1 об.) и т. д. Нередки написания *a* вместо *ы*: литонъ алай (л. 46 об.), лентами желтаи (л. 46 об.).

Наличествуе мена *я* и *е*, а также *е* и *и*: въ два реда (л. 4 об., 16 и др.), октября (л. 14 об.), кирпичной (л. 45 об.), феалетоваго (л. 43), синея салфетка (л. 10 об.), подщикатурина (л. 59), дюжены (л. 1 об.), обитые кожию (л. 52 об.), земчужены (л. 50) и т. д.

Обычны отражения явлений оглушения и озвончения: крушка (л. 1 об.), подклатка (л. 14 об.), застешки (л. 47), пряшка (л. 22) и т. д.; зделаны (л. 10), шездесять (л. 59 об.), з двумя (л. 36) и т. д. Многочисленны примеры произношения *чи* как *ши*: водошныи (л. 3 об.), подсвешники (л. 13 об.), каришневая (л. 16), кирпичные (л. 57).

В «Описи» находим следы и некоторых специфических черт южновеликорусской фонетики. Таковы написания: обламано (л. 48), облажено (вм. обложено) (л. 48), вышневой (вм. вишневой) (л. 17 об., 45 об.), вышневого отласу (л. 55 об.).

Из морфологических явлений в «Описи» прослеживается окончание *-ова*, *-ава* у прилагательных в родительном падеже: чернава бархату (л. 16), отласу голубова (л. 17), травчетово штофу (л. 19 об.) и пр., отмечается колебание в оформлении именительного падежа множ. числа: покрова (л. 13), покровы (л. 13); ворота (л. 12, 38), вороты (л. 37); кадилы (л. 39 об.), кадила (л. 39 об.); блюда (л. 39 об.), блюда (постоянно); в род. падеже множ. числа обнаруживаем такие формы, как: креслов (л. 10 об.), месяцев (л. 3), полумисков (л. 1), а также: миней (л. 34 об.), минев (л. 34 об.) и т. д., наличествуе остаточное употребление форм твор. падежа множ. числа на *-ми* в соответствии с современными литературными на *-ами*; с кистьми (л. 22), вещьми (л. 5), с мощми (л. 30 об.) и пр.

Среди поздних рукописей встречаем «Сказание о жизни юродиваго Ивана Семеновича сына Григорьева, жителя города Казлова Пригародной пушкарской слободы», написанное во второй половине XIX в. Религиозный момент

в «Сказании» незначителен. Повествуется о судьбе простолюдина, отец которого «по работе былъ первой каменщик и планы разбиралъ, это была редкость планы и фасады понимать» (л. 6 об.).

«Сказание» насыщено картинами народного быта, оно ближе к бытовой повести, нежели к житиям. Это сказывается и в его языке: автор ориентируется на просторечие и диалектную стихию. Приведем один пример: «Она страдала от болезни волосения года съ полтара, он был на правой рукѣ, так что большой палиць отъѣлъ по сустав и отпаль, перешель в ладонь и ее проѣлъ она бесперечь кричивала день и ночь» (л. 20 об.).

В «Сказании» множество слов предметно-бытового значения, характеризующих язык крестьян и мещан. Таковы: *голышка* 'каша, крупа', *дряпка* 'царапина', *взголчиться* 'шумно подняться', *поваренка* 'половник', *дровенки* 'салавки', *домашние приспешки* 'сковородня стряпня' и др.

Значения некоторых слов неясны. Имеем в виду слова: *голачки*; в воде ловили *плашки-мордачки*.

«Сказание» и иные рукописи Мичуринского музея содержат некоторые данные по фонетике и морфологии южно-великорусского наречия.

Кроме рукописей, в музее хранится коллекция печатных книг XVII—XVIII вв. Книги XVII в. нуждаются в лингвистическом обследовании, особенно в плане акцентологии, так как все они акцентованы.